

Соловецкий монастырь В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАЛОМНИКОВ И ТРУДНИКОВ

(по материалам историко-этнографических экспедиций СГИАПМЗ)¹

IV. РАБОТА В МОНАСТЫРЕ

Связь монастыря с материком

Хозяйство монастыря поддерживалось силами богомольцев, трудников по обету, а также наемных рабочих. Большое значение имели традиционные связи монастыря с поморским населением. Связи эти складывались на протяжении многих веков, были интенсивными и разносторонними. Местные промышленники сдавали в монастырь сало, шкуры морских животных, рыбу, поставляли в обитель уголь и смолу. Например, в Летней Золотице «...смолу курили, уголь жгли, все это в Соловецкий монастырь возили, продавали»². «... Там, сказывал отец, погоды не праздновали — все равно работали»³.

Поморские «женки» шили белье для монастыря, собирали по берегам моря и сдавали монастырю богородскую траву. Федора Дмитриевна Молокова (1902 г.р.) рассказывала: «Шили монахам рубахи по сорок штук за зиму. Весной посылали в монастырь»⁴. Шапкина Федосья Васильевна (1905 г.р.) вспоминала: «Вдовушки по побережью шили для монахов портяные рубахи на руках. Платили хлебом и другими продуктами. Такие вдовушки были в Золотице, Летнем Наволоке...»⁵ «Женщины Летней Золотицы шили на заказ для монастыря рубахи, кальсоны. Для монахов шили полотняные штаны, для работников — портяные. Шили по десять-двадцать штук»⁶. Весной произведенное посылали в монастырь, получая за это 15–20 рублей или «обрезки холста, хлеб, сухари»⁷.

«Безбрадые трудники» и «работники по обету»

Большинство поморов из ближайших деревень в молодом возрасте проходили через трудовую школу Соловецкого монастыря в качестве «обетных трудников» или наемных работников. Соловецкий монастырь не был исключительно монашеской общиной. Более половины соловецких насельников — мирские люди. Монахи и послушники руководили работами, возглавляли артели и мастерские. Трудники работали на сенокосе и огородах, в коровниках, возили навоз, занимались сетевязанием, заготовкой и перевозкой дров, строительством каналов, работали на монастырских кораблях, на кирпичном заводе, на тонях, ремонтировали монастырские здания, перевозили паломников. «Трудников поили, кормили, одевали, называли богомольцами, но денег за работу не давали»⁸.

Молодые богомольцы постигали грамоту и Закон Божий в училище для трудников, обучались ремеслу в мастерских. Имеющие особые способности поступали в иконописную школу или пели в церковном хоре. (Некоторые певчие были оплачиваемыми.) Мальчики размещались в Зосимовском корпусе, там же были учебные классы и мастерские. К.М. Крокачев вспоминает: «В школе (Изосимовский корпус) в первом этаже на-

¹ Продолжение. Начало: Соловецкое море. Архангельск; М., 2010. Вып. 9. С. 99–109.

² Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны Архангельской обл. 1978 // Научный архив (НА СГИАПМЗ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 70.

³ Андреев Антон Иванович (1897 г.р.). Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны // Там же. Д. 119.

⁴ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982 // Там же. Д. 156.

⁵ Дневник экспедиции в д. Пушлахта Приморского р-на Архангельской обл. 1985 // Там же. Д. 154.

⁶ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

⁷ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972 // Там же. Д. 63.

⁸ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

Безбрадые грудники на монастырской пристани. Открытка нач. XX в. Из собрания А.И. Сидорова

ходила мастерская по изготовлению карет и кипарисовых крестов»⁹. Д.С. Бронников (1900 г. р.), бывший в 1912 г. годовиком и учеником монастырского училища, вспоминает, что учеников монастырского училища содержали на полном монастырском обеспечении (одежда, обувь, постельные принадлежности, трехразовое питание из трех-четырех скоромных блюд). Работали они двенадцать часов в сутки, обучались два часа (с 16.00 до 18.00). Работа не оплачивалась. Лишь на Пасху и Рождество давали по полтиннику¹⁰.

«Детей, приехавших по обету, называли богомольцами. В монастыре им выдавали кафтаны и колпачки. Для ребят — специальная гостиница»¹¹. Ф.П. Кононов писал в воспоминаниях: «Мальчики, обетные трудники, размещались в Зосимовском корпусе, там же было училище и две мастерские. Трудники-годовики, проживающие в монастыре по «обету родителей» за оказание Богом милости в исцелении от болезней по молитвам Соловецких угодников, живут вне стен монастыря, в особых деревянных корпусах в палатах по десять и более человек. Для них там же — отдельная кухня и столовая. В пищу

ими употребляется кроме рыбы мясо коровье и оленина от убоя их на Соловецком острове»¹².

Е.С. Цыварев, бывший годовиком в Соловецком монастыре в 1908–1909 гг., рассказывал: «Приезжающих потрудились по обещанию встречали на пристани, у каменной гостинцы, старосты (как теперь бригадиры)... В монастыре ведь было и плотницкое, и столярное, и слесарное дело, и сельское хозяйство... И каждый староста отбирал себе по специальности, по здоровью, по грамотности. Грамотных и маленьких — в певчие. В повара нужны были ядренные мужики — котлы ворочать. Меня в Соловки отец привез. Отец тоже работал в Соловках, тоже подростком лет 16–17-ти. Ему знакомо было. Привел меня в келарскую. Там было удобно, тепло. Определили меня старшим столовщиком в верхнюю братскую трапезу Успенского собора. У меня первое дело было хлеб резать — каравай — пополам (двуручным ножом), а потом — на ломти... Работа тяжелая. До меня старшим столовщиком был взрослый, а я был невысокий, небольшой. Сначала очень уставал, даже в глазах темнело... Хрен, горчицу, соль, молоко готовил хреновщик. За квас отвечал квасник. Сельдяник должен был взять у погребного сельдь, скатерки подобрать,

⁹ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972...

¹⁰ Полевой дневник. Летний берег Белого моря: Лошпенга — Летняя Золотица. 1979 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113.

¹¹ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

¹² Кононов Ф.П. Воспоминания. 1973 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 593.

полотенца убрать и так далее. Посуду мыл ложковой. Вот пять должностей. Все их занимали годовики. Погребной, у которого получали продукты, был монахом. Всей продовольственной службой заведовал келарь. Мы, годовики, — восемь парней с верхней трапезы и староста, вставали в пять часов утра по звонку будильщика и шли на нижнюю трапезу, где под руководством старосты перебирали вареную рыбу — раскрашивали (крошили), выбирали косточки (хвостики и визиги шли на настоятельские столы). Картошку чистили повара с помощью машины, которую приводом вертели; в машину лилась вода и картошка выходила почищенная, чистая. «Глазки» дочищали вручную. Завтракали в келье — чай и у кого что есть, и до обеда свободны. Потом чайку попьем — и за работу. В первую очередь подметаем, потом скатерки, полотенца разносим по столам, тарелки, ложки — все, что положено. Служба отойдет — приходят обедать¹³. Откормим, столы соберем — сами обедаем. Потом — хочешь отдыхать, хочешь — гулять поди до вечерней трапезы. Вечерняя трапеза с четырех часов. В шесть откормим. Рабочий день кончился в восемь часов, а бывало до девяти часов работали. (...) Как откормим, соберем, пообедаем, ходим, гуляем до следующей трапезы и мне все знакомо в монастыре... До сенокосу поработал старшим столовщиком. А потом к ризному землячок приехал — Буторин — и меня сняли со столовщиков и отправили на сенокос, а землячка поставили старшим столовщиком. Как сенокос закончился, я должность хреновщика занимал, а потом согрешил, и меня отправили в коридорщики. Будучи коридорным, пробовал резать ложки, учился переплетать книги. Всего я жил в монастыре тринадцать месяцев»¹⁴.

Я.Ф. Носов рассказывал о своем брате, что он «...работал в монастыре год по обещанию, было ему тогда около двенадцати лет. Сначала он работал в сетевязальной мастерской. Но вскоре ему надоела эта нудная работа от зари до зари, и он решил перебраться работать на скотный двор, на Муксалму. Доил коров. Поскольку молоко находилось под контролем и его не давали много пить, то годовики шли на разные ухищрения: наливали молоко в большие медные монастырские самовары и пили его как чай»¹⁵.

¹³ На паперти собора стоял монах и приглашал на трапезу богомольцев, который в чистой рубахе — за круглые столы, который в лаптях да синих подптанниках — на рабочую трапезу (ниже с другой стороны). — Прим. Е.С. Цыварева.

¹⁴ Цыварев Е.С. Воспоминания // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78.

¹⁵ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

«Дмитрий Михайлович Кропочев, будучи мальчиком, жил в Соловецком монастыре, где научился плести корзины»¹⁶.

А.Е. Ларионов, житель деревни Пурнема (1898 г.р.) работал на Соловках с 1913 г. по завещанию умершего отца. «Первые две недели работал на кирпичном заводе, подвозил («подваживал») глину пушлахотским мужиком. Их на кирпичном заводе много работало. Березняк рубил. Куда пошлот, туда и шел работать. Кирпич выпускался шестнадцатифунтовый. Помню Ликандра из Онеги. Он работал сдельно с кирпича, по тысяче двести кирпичей выдавал. А потом летом я на сенокос пошел. Помню, шли мы с Реболды сто человек с горбушами, а сзади нас — двести человек с граблями. Навстречу нам шли косцы со стойками с Муксалмы. Закончился сенокос. После него — кого куда. А я добровольно пошел каналы копать»¹⁷.

Т.Е. Курьянов (1904 г.р.) первый раз был на Соловках в 1917 г. — годовиком по обету. «Приехал в июне 1917 года, сходил к наместнику, чтобы приняли. Собралось много таких же мальчиков и с Летнего и с Терского берегов, с Олонецкой губернии. Хозяйство в монастыре было большое, по отраслям и распределяли. Работали вначале на разных послушаниях, затем — на сенокосе. Косили на участке от Малой Муксалмы до Реболды, всего по побережьям на косьбе работало три партии. Сена было много. Косили машинами на лошадях, люди подкапывали. Грабилки — тоже конные. Зимой работали в сетевязальной мастерской. Она находилась в Архангельской гостинице. В мае 1918 г. взял меня один монах ловить рыбу на Анзерском острове, в Кирилловой тоне. Там и пробыли до октября»¹⁸.

А. Серебряков тоже был трудником по обету в 1909–1910 гг. В дневнике он подробно описал свои труды в просфоренной службе: «Я старосте заявил, что послан от эконома к вам. Он велел мне раздеться, умыть руки и дал фартук полотняный, чулки, выступки и шапочку или кепку. Облачившись, я обратно к старосте со словами: „Благословите, о. Наум“. Он ответил: „Бог благословит“, и я стал натирать тесто. Тесто натирали часа два, и я в это время так вспотел, что рубашка была вся мокрая. По окончании натирания меня староста отпустил за постелькой в корпус. Я перетащил все вещи в келью, в которой назначено было жить, — келью номер шестой. В просфорену поступил 25 апреля. В это время в просфорне

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973...

¹⁸ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972...

была запёка, или пекли просфоры в запас, которых ежегодно напекали счетом до тридцати пяти тысяч к приходу первого парохода. Пекли два раза в сутки. Отдыхать приходилось, только пока тесто в квашне всходит, а именно — три или четыре часа в сутки. Пища была хорошая братская, но работа в жару»¹⁹.

Петр Иванович Чунин из Варзуги рассказывал: «Годов семнадцати бывал на Соловках по обету, данному родителями. Из Варзуги в Соловецкий монастырь ездили часто. Работал год на тоне в Анзерах. Был год — не год, а там жил, пока стужа не пала, в декабре, примерно. А прибыл на тону в мае. В тоне — один дом да баня. Там жило девять человек с разных мест, а монах был только один — староста отец Спиридон. Он был старый, древний старик. Ловили неводами семгу, селедку. Ловили сетями нерпей. Ловили, сколько попадало. Ничего за работу не платили. Кормили хорошо (дома кормились тоже хорошо). Давали сапоги, куртку, обыкновенны, навроде матросских, черны таки брюки, белье. Баню на тоне топили сами каждую неделю. В монастырь-то мы с тони не ездили. На Голгофу все ходили. Там монахи жили. Не очень много. Там у их хозяйства никакого не было, только своя баня была под горой у озера»²⁰.

Ф.П. Кононов в своих воспоминаниях писал: «Большое количество годовиков, пробыв в монастыре год на послушаниях в мастерских: портняжной, сапожной, слесарной, кузнице, иконописной — оставались на второй год с целью повысить свою квалификацию для практического применения специальности в своей хозяйственной деятельности на родине»²¹.

Подробности из жизни «безбрадых трудников»

В зимнее время в Соловецком монастыре работали три училища. Для молодых ребят-годовиков существовало начальное трехклассное училище, где они повышали свое начальное образование. Кроме того, монастырским послушникам преподавались предметы по программе духовного училища, а для подготовки священнослужителей — диаконов и священников — организовывались занятия при помощи двух преподавателей, приглашавшихся из Петербургской Духовной академии (на лето они уезжали из монастыря).

Трудникам-годовикам разрешалось играть на улице около своих общежитий «в городки»

Соловецкие годовики. Фото нач. XX в.
Из архива С.В. Морозова

или кататься на лыжах с горы. В вечернее время, после ужина и до сна, староста комнаты читал для годовиков вслух рассказы из книг духовно-нравственного содержания»²².

В памятной книжке А.П. Серебрякова есть запись о первом дне пребывания на Соловках: «...был освидетельствован в больнице и приня... поместили в Зосимовском корпусе в числе 19 человек под наблюдением дядьки бывшего офицера... Вечером был звонок, гнали в церковь, но я не ходил... после ужина боролись на палках, тянулись и легли спать часов в 10 вечера»²³.

И.С. Карпов в своих воспоминаниях рассказывает:

«Слово „дай“ совершенно исключено в монастыре и заменено словом „Благослови“. И мальчишки, обращаясь между собой, при просьбе говорили, например: „Благослови, отец Иван, мне эту книгу“. Слово «отец» обязательно прилагалось... Например, мы идем сгребать снег и просим у мужика Семена лопаты и говорим: „Отец Семен, благослови лопату!“ А он скажет: „Бог благословит“. За разные недозволенные шалости наказывали нас поклонами. Назначать наказания уполномочены дядька и регент. Если подрались двое, то они должны пасть друг другу в ноги и просить прощения: „Отец Иван, прости меня ради Бога!“ Обиженный говорит: „Бог простит. Ты меня прости“. И этим ссора должна кончиться... Пришла

¹⁹ Серебряков А. Дневник // Фонд письменных источников СГИАПМЗ. КП-8126.

²⁰ Дневник экспедиции в КАССР и Мурманскую обл. 1975 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121.

²¹ Кононов Ф.П. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Серебряков А. Указ. соч.

весна. На прогулку стали нас водить на лут к морю поиграть с мячиком с расчетом времени, чтобы не отрезан был нам путь вернуться обратно. Прилив воды затопит дорогу, и нам придется ждать 6 часов до спада воды. Наиграемся, лисиц и оленей насмотримся, возвращаемся в 5 часов вечера»²⁴.

Евстафьева Ульяна Терентьевна вспоминала: «За работой годовиков наблюдал староста-монах. Наблюдал очень тщательно. Остался куст травы, например, — „Вернись. Не надо было скоро работать, надо было хорошо работать“»²⁵.

Наемные работники

Часть работ выполнялась наемными рабочими. Нанимали рабочих обычно из окрестных деревень, «своих». Они не понаслышке знали особенности хозяйствования на Севере, владели морским делом, имели навыки в морских промыслах. Некоторые трудники и работники проживали рядом с местом работы. Наемные работники обычно размещались в Филипповском (или Дрововозном корпусе). При здании были своя поварня, погреб и трапезная. По свидетельству К.М. Крокачева, «в Филипповском корпусе жили наемные рабочие, в основном из трех деревень: Пуплахты, Летней Золотицы, Дураково»²⁶.

П.А. Репин (1894 г.р.) жил на Соловках в 1906–1908 гг. «Первый год по обещанию, в связи с болезнью, а второй уже — за плату. Работал на перевозе богомольцев из Реболды на Анзеры. Платили двенадцать рублей в месяц. Работал и на сенокосе, плавал рабочим на пароходе „Михаил Архангел“. На Муксалме работал односельчанин Репина, доил двенадцать коров»²⁷.

Некоторые люди сохраняли связь с монастырем в течение всей жизни. В дневниках экспедиций упоминаются поморы, ставшие юровщиками монастырского зверобойного промысла. Антон Иванович Андреев (1897 г.р.) вспоминает: «Белух били от Соловецкого монастыря. Мой прадед был юровщиком на белужьем промысле от монастыря»²⁸. Поморы становились капитанами, механиками, штурманами. Отмечены случаи, когда монастырские работники оставались в монастыре на покое, без пострижения в монахи²⁹.

А.А. Самойлов из д. Летняя Золотица рассказывает о порядке найма на работу в монастырь таким образом: «Порядок найма был такой. Приезжали из Пуплахты, Летней Золотицы — почти всей деревней. У них — комната, где заседают эконо́м, механики. Они сидят за столом, а мы стоим в толпе. Монахи выбирают, кого взять в работники. Если ты у них провинился: чайку, например, обидел, то на другой год уже в работники не возьмут. А чаек там видимо-невидимо, прямо под ногами ходят, гнезда вьют. С апреля по ноябрь работаем. Весной пароходы вооружаем — шкрапим, красим. А часть на пароходах ходила матросами, кочегарами, механиками. Заработок в монастыре был такой. Первый год я в 16 лет работал (1911 г.) — 5 рублей в месяц и готовый стол. Второй год — 7 руб. и стол. Третий год — 9 руб. и стол готовый. Четвертый год поработали немного и сбежали в Кемь, потому как заработок в 11 рублей мал показался. Самые кадровые, те, что лет по 20 проработали, больше 16 рублей не получали. Капитаны — по 100 рублей в месяц. Штурманы — до 50 рублей в месяц. Механики — до 80 рублей в месяц (на двух судах механиками сами монахи были...). Кроме жалованья, у всех стол готовый был»³⁰.

К.М. Крокачев из Летней Золотицы был на Соловках дважды, в 1911 и 1913 гг. Первый раз — наемным певчим, а затем — наемным рабочим. «Наемных певчих в Преображенском соборе было восемнадцать человек, десять — на правом, восемь — на левом клиросе. Пели и в Филипповской церкви. Певчие разносили еду во время трапезы монахов и тех, кто почище, — из приезжих; а „худых“ кормили в богомольческой трапезной. Рабочий день наемных тружеников продолжался 10 часов, а до 1913 г. и все 11 часов. Жалованье — 9 руб.». Наемных, по свидетельству Крокачева, было около ста человек, годовиков до пятисот человек. Работали на обслуживании всех трех пароходов, трудились каменщиками, косцами (в Савватиево, Исаково, Лапупечном), рыли каналы (здесь платили 13–18 руб). Сам К.М. Крокачев работал на Никольском корпусе, помогал каменщикам, белил корпус. По его воспоминаниям, корпус у Никольских ворот был построен в 1912 г. Покраска и побелка зданий производилась к приезду великой княгини Елизаветы Федоровны. В 1913 г. ремонтировали ворота дока. Вода была выкачана. Сооружена плотина из забитых свай в два ряда с заполнением торфом. В доке одновременно могли находиться три корабля. Лес для строительства привозили

²⁴ Отчет экспедиции в Красноборский р-н Архангельской обл. 1982 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 75.

²⁵ Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973...

²⁶ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972...

²⁷ Там же.

²⁸ Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973...

²⁹ Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны. 1978 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Самойлов А.А. о капитане парохода «Надежда» Н.Я. Носове (1828 г.р.).

³⁰ Там же.

Строительство канала. Открытка нач. XX в. Из собрания А.И. Сидорова

с Кондострова³¹. «Мужики, работавшие матросами в монастыре, жили до Покрова дня. Кто оставался дольше срока, получал награду»³².

Д.А. Устинова (1910 г.р.), родом из деревни Дураково, рассказывала: «Женки на Петров день приезжали навещать. Ездили „на гребках“, поставят парусок и едут. Жили в монастыре неделю. Затем уезжали»³³.

Строительство каналов

П.И. Чунин так вспоминал о своей работе на строительстве канала из Белого озера в Щучье (вероятно, здесь имеется в виду канал из озера Большое Белое в озеро Валдай или озеро Малое Белое): «При мне первый год стали копать. Это было в году 12–13-м. Это большой канал. Остальные были уже прорыты. По ним шлопка паровая ходила — начальство каталось. Строительством руководил монах Иринарх. Был обыкновенный. Выпить любил. Жили там, на каналах, в бараке. Нас копало больше двадцати человек. Воскресенье — отдых. Остальные дни работали пока светло, с 8-ми часов утра. Целу зиму рыли, до весны. Сначала укрепляли берега, причем никаких деревянных свай не забивали.

Дно сначала выкладывали камнями, потом мхом, снова землей и снова камнями. Инструмент — лопата, тачка... Зимой — от лома, от кайлы. Земля-то промерзла до локтя. Молотом сколько разобьешь... Клин железный, да молоток с плеча...»³⁴

А.Е. Ларионов (1898 г.р.) из Пурнемы рассказывал о своей работе так: «Всю зиму работали. Работа земляная вообще тяжелая, а тут еще земля мерзлая. Клином да молотом ее разбивали. А потом увозили на вагонетках. Кормили хорошо. 4 раза в неделю давали мясо — один бачок на 6 человек. Треска. Каши сколько хочешь. Часто с Муксалмы привозили молоко. А творог все время был. Ели досыта. Кроме годовиков, на каналах трудились и наемные из Пушпахты, Летней Золотицы. Но наемных у нас было немного — всего человек десять»³⁵. А.А. Самойлов вспоминает, как работал на каналах: «Канал на Белое озеро в 1918 г. копали. Там гора 16 метров была. Прорывали ее. Копали все каналы, хотели водой на электростанции пользоваться»³⁶.

³¹ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972...

³² Отчет экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

³³ Там же.

³⁴ Дневник экспедиции в КАССР и Мурманскую обл. 1975...

³⁵ Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973...

³⁶ Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны Архангельской обл. 1978...

V. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ С ПОМОРЬЕМ

Дары монастырю

Поморы приезжали в монастырь со своими дарами, каждый в меру веры и сил жертвовал обители Преподобных плоды трудов своих. Поморы привозили в монастырь коров, лошадей, полотенца, холст, скатерти. Иногда приводили скот на Соловецкое подворье, а монастырь доставлял его на своих судах. Жертвовали самое лучшее.

В воспоминаниях И.С. Карпова рассказывается о старике шестидесяти с лишним лет, вместе с которым он путешествовал в Соловецкий монастырь: «Этот старик в возмещение того, что не выполнил обещание в молодости, выкормил жеребца, красавца рыжей масти, и провез его в Соловецкий монастырь. Поставили жеребца в баржу с сеном, и мы все трое плыли на барже за пароходом 8 дней. Жеребца с баржи приняли на Соловецком подворье в Архангельске»³⁷. Пожертвованные в монастырь вещи часто продавались богомольцам.

По словам С.О. Устиновой (1907 г.р.), уроженки Летней Золотицы, из Соловецкого монастыря привозили «ткань „пестрядь“ и „кружки“ для повойников»³⁸.

Товары и святыни из Соловков

Другие информаторы рассказывают о том, что с Соловков привозили женские рубахи с подзорами³⁹. Обычно тканые изделия находились в Рухлядной палате. «В Рухольной все на свете было. В этой Рухольной палате продавались полотенца, скатерти, одежда, платки и т.д.»⁴⁰.

Многие жители окрестных деревень ежегодно на Соловецких островах (особенно на Муксалме и Заяцком острове) заготавливали для себя воронику и ягель⁴¹.

Торговые отношения монастыря с Поморьем установились еще до секуляризации 1764 г., когда монастырь был крупнейшим вотчинником, «сударем» Поморского края. Вплоть до 1797 г. в монастыре проводилась на Петров день ярмарка⁴².

Соловки и Поморье были единым хозяйственным организмом. Монастырь расплачивался с поморами за работу своим товаром. Жители

ближайших деревень закупали в монастыре необходимые продукты, бытовую утварь и одежду.

Паломники так же, как и жители ближайших селений, приобретали на Соловках добротные и нужные в хозяйстве вещи. Для паломников каждая монастырская вещь была своеобразным благословением Соловецкого монастыря и несла в себе образ налаженного образцового монастырского хозяйства. В дневниках и отчетах экспедиций мы находим упоминания о самых различных предметах, вывозимых в память о Соловецком монастыре.

Д.С. Богданов помнит, что из монастыря привозили иконы с преподобными и «обязательно приносили икону Георгия Победоносного. Эти иконы, как талисманы, зашивали в верхнюю одежду. Они способствовали во всех делах... В большом количестве приносили маленькие крестики, которые привязывали на тонкой цепочке и вешали на шею при крещении ребенка. Все, кто ходил в монастырь, приносили воду из Святого озера, называя ее святой водой, и говорили, что эта вода вылечивает от всех болезней. А как лечили? Брели куриное перо, опускали в бутылочку, а потом мазали больное место. Когда я заболел воспалением легких, мама лечила меня этой водой...»⁴³

Е.С. Цыварев вспоминал, что «...из монастыря привез две ложки с перстами, картинку с монастырем, переплетный станок, крючок для выделки ложек...»⁴⁴

Паломники покупали в монастыре деревянную утварь (перечницы, подсвечники, братины, ложки), гончарную посуду. «Глиняные кринки, чашки, горшки, кубы, лапки „красивящие“ привозили из Соловков. Из шкур нерпы шили сумочки, саквояжи, кошельки и т.п.», — рассказывала Ульяна Терентьевна Евстафьева⁴⁵. Ценились соловецкие кожаные изделия. К.М. Крокачев вспоминал, что из нерпичьих шкур выделывали тужурки, брюки, кепки (тужурка стоила 3 руб.)⁴⁶.

В.Е. Устинов (1904 г.р.), уроженец Летней Золотицы, рассказывает о том, что также «в Соловках делали бахилы из яловой кожи, ставили их в деготь на несколько дней. Сапоги пропитывались дегтем и не промокали»⁴⁷.

Также «в монастыре продавались семена репы, редьки, моркови»⁴⁸.

³⁷ Отчет экспедиции в Красноборский р-н Архангельской области. 1982...

³⁸ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Отчет экспедиции в д. Пушлахту Приморского р-на // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 80.

⁴² Макарий, архимандрит. Описание Соловецкого монастыря. М., 1825.

⁴³ Богданов Д.С. Соловецкий мужской монастырь в прошлом столетии // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 602.

⁴⁴ Цыварев Е.С. Указ. соч.

⁴⁵ Дневник экспедиции в д. Верховье Онежского р-на. 1979 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129.

⁴⁶ Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972...

⁴⁷ Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982...

⁴⁸ Там же.

Наибольшей популярностью у паломников пользовались деревянные ложки. В подарок родне и землякам богомольцы обязательно привозили соловецкий хлеб и просфоры. Просфор выпекалось только к приходу первого парохода до 35 тысяч⁴⁹.

Часть изделий для продажи паломникам монастырь закупал на материке.

В целом в материалах экспедиций упоминаются следующие предметы, которые привозили паломники из Соловецкого монастыря: иконы (обычно «чудотворцевы образа»); литографии икон; кресты кипарисные; просфоры; бутылочки со святой водой; литографии и открытки с видами монастыря; ложки с благословением и буквами «СМ» (ложка с окуньком — 15 коп., с крестом — 20 коп., простая «разливательная» — 10 коп.); гончарная посуда; кузнецовский фарфор с изображением Соловецкого монастыря; кожаные изделия; тканые пояса с молитвой⁵⁰; полотенца, которые привозили богомольцы в дар; «кружки» для повойников; ткань «пестрядь»; скатерти, холст; женские рубахи с подзорами; игрушки⁵¹; светильники; поминальники; семена репы⁵², редьки, моркови.

VI. УКЛАД МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ, БЫТ И ХОЗЯЙСТВО

Распорядок дня

О монастырском укладе и быте рассказывали в основном годовики, имевшие возможность значительно подробнее, чем паломники, узнать внутреннюю жизнь монастыря.

Ф.П. Кононов в своих воспоминаниях целую главу посвятил подробностям монастырского быта. Он пишет: «Монахи живут в стенах

Чайник из Соловецкого монастыря. Кузнецовский фарфор

монастыря, в кельях по одному человеку, а послушники — по два человека. На каждые две кельи — одна голландская печка, с топкой из коридора. До 1913 года освещение жилья было керосиновое, а с 1913 года — электрическое, от вновь построенной гидроэлектростанции. Утром все встают ото сна в 6 часов по звонку будильщиков, которые идут по коридорам корпусов, называя колокольчиком. Повстававшие идут в храм на утреннюю молитву, которая длится три четверти часа. По окончании молитвы все идут из храма и при выходе подходят под благословение к настоятелю или его наместнику. Если будет замечено, что кто-либо из братии не явился на молитву, будильщик немедленно идет к нему в келью на проверку о состоянии его здоровья. Утром завтракают по кельям, употребляя хлеб с квасом. В восемь часов утра все идут на свои послушания к месту их работы. В двенадцать часов дня на колокольные звонарь звонит в один колокол за веревку с земли, и все идут на обед в общую трапезную в Успенском соборе. В больнице своя церковь и трапезная, но режим сна и питания единовременен с общим укладом монастыря. Работы на производстве кончаются в 17 часов и к 18 часам иноки собираются в собор для общей молитвы. А затем идут в трапезную, ужинают, по окончании ужина тут же слушают молитвы на сон грядущий и расходятся по кельям, где каждый творит еще земные поклоны с молитвой Иисусовой, в количестве по мере своего духовного роста в молитвенном подвиге, ради которого он и живет в монастыре. Без этой цели жизнь в монастыре бесцельна и невыносима. Никакой обязательной платы в монастыре за работу не производится. В каком-либо крайнем случае, у кого-либо из братьев возникает необходимость в деньгах, ему по распоряжению настоятеля монастыря выдается казначеем необходимая сумма».

⁴⁹ Серебряков А. Указ. соч.

⁵⁰ В воспоминаниях Анны Семеновны Порохиной (1903 г.р.) говорится о поясах, которые делались в монастыре с надписью «Преподобные отцы Зосима и Савватий молитесь Богу о нас». Не сказано, какие это пояса, тканые или кожаные. — Дневник экспедиции в Пинежский р-н Архангельской обл. 1982 // НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11-13-81.

⁵¹ А.С. Порохина вспоминает, что «...с Соловков была привезена детская игрушка — деревянная чайка с надписью „Соловки“». — Там же.

⁵² «Семена упаковывались в монастыре в специально приготовленные белоснежные льняные мешочки разных размеров. Репа по вкусовым качествам была сочная, ароматная, сладкая, имела желтую окраску. Некоторые плоды имели розовую окраску. Слегка сплюснутая, кожица гладкая, с очень тонким корешком. Ее особо любили ребята, считая деликатесом. Пекли в русской печке репки с тонкой коркой и толстой, парили в глиняных горшочках в русской печке репу, готовили вкусный репный квас, кроме этого репа была как корм для скота». — Богданов Д.С. Указ. соч.

Одежда, стирка белья, отопление

Одежда для монахов, кроме полотняного белья, — штаны для лета из легкой хлопчатобумажной ткани, легкий подрясник для послушников, ряса с широкими рукавами, клобук на голову и четки в руку, на ноги сапоги, а зимой валенки, ватный подрясник, ватный колпак для головы. Смена тельного белья еженедельная. Баня топится четыре дня еженедельно; в ней моются все, как монахи, так и годовики-трудники, кому когда удобнее. Вода в баню и прачечную поступает самотеком из Святого озера. К заношенному белью каждый привязывает свою деревянную бирку с указанием фамилии и имени и номера кельи или комнаты в общежитии.

Бучейщики парят белье в больших чанах, стирают в корытах вручную, вешают в специальной сушилке, катают на катке, привязывают к белью бирку. Разнесут в коридоры корпусов и кладут в специальные шкафы, откуда каждый сам берет свое белье по своей бирке. Ремонт одежды и обуви производится в мастерских. На время ремонта одежду и обувь выдают из рухлядной палаты либо с возвратом, либо безвозвратно. В последнем случае отремонтированная одежда поступает в рухлядную палату. В каждой палате есть медный кувшин для воды, самовар, чайник заварной, сахарница и два чайных прибора. Уголь для кипячения самовара берется со склада, куда он привозится из скита острова Кондостров со смолокурного завода. Отопление помещений печное — дровами. Каждая печка — на две кельи, топка из коридора. Дрова заготавливаются в лесу весной, коллективно, всеми трудоспособными лицами. В начале зимы по мелкому снегу дрова вывозятся в монастырь к дровяникам, разделяются и поленицы укладывают под навесом. Для отопления соборов, пекарен, больниц и мастерских дрова заготавливаются и подвозятся специально назначенным руководителем, коллективно. С постройкой гидроэлектростанции дрова для соборов, пекарен и других общественных зданий распиливаются электропилой на общем складе и оттуда увозятся по мере потребности.

Конный парк

Конный парк имел до 150 лошадей и объединялся для работы в два обоза, называвшихся «рамша». Большая «рамша» — до 100 лошадей и малая «рамша» — до 50 лошадей. Во главе «рамши» были монахи, а для перевозки грузов на лошадях привлекались «годовики» под руководством монаха-нарядчика. Уходом за лошадьми, наблюдением за исправным состоянием упряжи и транспорта ведал заведующий конным двором

со штатом конюхов, по 10 лошадей на каждого. Имелась отдельная «настоятельская» конюшня из 6 лошадей: пара вороных, пара рыжих и пара «серых с яблочками» для разъездов настоятеля и членов «учрежденного собора» по делам монастыря в скиты.

Занятия в летнее время

В летнее время на сенокос, на сбор грибов и ягод привлекались все трудоспособные монахи и священнослужители. Ловили в море треску, зубатку, семгу, знаменитую «соловецкую селедку», а также незначительное количество тюленей. Своего огородничества у монастыря не было — овощи и капуста не успевали созревать. Капусту покупали кочанную, привозили ее в монастырь на паруснике и привлекали всех трудоспособных монахов и послушников для ее засола.

Монастырский квас

Квас варился ранней весной в специальной квасоварне, наливался в огромные деревянные бочки; последние закатывались в квасной погреб рядами, ряды перекладывались льдом, и квас из бочек расходовался на трапезу по мере надобности на обед и на ужин. Монахи иногда берут квас в трапезной в свои кружки и употребляют его в кельях вместо чая. Оставшиеся от обеда и ужина куски хлеба отправлялись в хлебопекарню, там они сушились на сухари, и последние употреблялись при выпечке хлеба. В воскресные и праздничные дни за обедом на каждого едока полагалось $\frac{1}{4}$ часть круглой булки весом граммов 250. При желании эту долю булки каждый мог уносить с собой в келью или общежитие и там кушать ее за чаем...

Хлебные запасы и пресная вода

Закупка всего необходимого для нужд монастыря производилась смотрителями Архангельского и Соломбальского подворий в течение всего года. Зимой закупленные товары концентрировались на подворьях и летом на пароходах перевозились в монастырь. Зерно на муку мололи в монастыре на водяной мельнице. Хлебные запасы зерна лет на семь хранили в деревянных амбарах в запретной зоне внутри острова, а для текущего размола — в башне, вблизи мельницы в стенах монастыря.

Пресной водой пароходы снабжались из близлежащего озера по деревянному подземному водопроводу, трубы для которого высверливались из бревен сверлильным станком монастырского изготовления⁵³.

⁵³ Кононов Ф.П. Указ. соч.

Зверобойный промысел Соловецкого монастыря

Кононов Ф.П. вспоминал: «Весной 1910 года, в апреле месяце, в одной из деревень Поморья отец со взрослым сыном вдвоем на своей лодке поехали в море на убой тюленей, большими стадами лежащими в эту пору на льду во время „отела“. Встретив в море льдину с большой залежкой тюленей, они выгнали свою лодку на льдину, одевшись в легкую одежду, взяв топоры и багры, пошли в разные стороны к лежбицам тюленей. Увлечшись охотой, парень не заметил, что льдину раскололо, и части ее понесло в разные стороны. Вследствие этого молодой человек оказался в одиночестве на льдине в легкой одежде без куска хлеба, без спичек. Собрав туши убитых им тюленей, он сделал из них некоторое укрытие и, возложив все свои упования на волю Божию и помощь Соловецких угодников, питаюсь мясом убитых им тюленей, лежал в устроенном им укрытии. Сколько дней провел он в таком одиночестве, сказать не могу, полагаю, что в пределах не менее месяца. Но вот наступил период навигации на Белом море. В Белом море еще плавали крупные льдины. Соловецкая бухта была покрыта льдом. В этот период грузо-пассажирский пароход Мурманского пароходства пошел первым рейсом из Архангельска в Мурманск. В этот день парень видит, что к нему подошли два инока и велют ему встать и идти по краю льдины и что скоро он получит спасение. Действительно, пароход, ища свободный проход среди плавающих льдин, пошел вблизи льдины, на которой терпел бедствие человек, прося помощи, подошел к нему, матросы занесли его на пароход, где он был немедленно положен в санитарную каюту под наблюдение судового врача. Туши убитых парнем тюленей занесены были матросами на пароход и положены в ледник. Пароход пошел в Мурманск, и на обратном пути, зайдя в Соловецкий монастырь, высадил парня на пристань. Его немедленно положили в монастырскую больницу, а тюленьи туши выгрузили на пристань монастыря. Эти туши я видел на пристани...»⁵⁴

А.А. Самойлов из д. Летняя Золотица вспоминает: «Летом у Соловков, на Малой Муксалме, был хороший промысел. Много зверя было и у Реболды, Анзеров, Городков, Колгуева. Ловили сетью, но больше били из ружья. Корги обсохнут, зверь на них вылезет, тут его, на коргах, и били из винтовки. Сначала кремневки были, затем уже берданками стали пользоваться. Помню, один старик все с кремневкой ходил, когда уж берданки

были. К нему не подходили, боялись, что ружье у него разорвет. Сеть, что на зверя ставится, юндой вечно зовется. Юнды крюками ставили с мели на глубь, до пяти крюков в один ряд. Зверь вдоль мели бежит, наткнется на стенку, потом — крюк, да там и запутается. До 10 штук порой попадалось. Монахи в основном обметами ловили. Юнды — те же сети. Коргу обметывали юндами. Ставили юнды в малую воду вокруг корги. Вода прибудет, призагонит юнды, и зверь через эти загопленные юнды пройдет на корги. Монахи на коргу в карбасах приедут, спугнут зверя: побежит он и в юндах путается. В два-три ряда монахи ставили юнды, чтоб наверняка. Монахи так по 10, а то по 5–6 штук ловили, когда как»⁵⁵.

(Окончание следует)

Волкова Елена Вячеславовна

Окончила философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. На Соловках — с 1996 г. В настоящее время — сотрудник Соловецкого музея-заповедника.

⁵⁴ Кононов Ф.П. Указ. соч.

⁵⁵ Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны Архангельской обл. 1978...